

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВО-ПРАВОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-РЕЧЕВЕДОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 40.05.03 «СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА»

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с реализацией интегрированного подхода к обучению будущих экспертов, формированием их лингво-правовой компетенции. Представлена пирамида приращения знаний, положение в ней судебного речеведения. Описаны принципы отбора учебного материала, базовые дидактические принципы, положенные в основу обучения. В качестве иллюстрации представлен фрагмент учебной работы с фразеологическими единицами, даны кейсы, описаны упражнения. Сделан вывод о том, что лингво-правовая компетенция обеспечивает непротиворечивое понимание будущими экспертами природы доказательства.

Ключевые слова: лингво-правовая компетенция, судебный эксперт, судебная лингвистическая экспертиза, фразеологические единицы.

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.57.5.143-152

**Елена Александровна
ЧУБИНА,**

доцент кафедры судебных
экспертиз

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат педагогических
наук, магистр

юриспруденции, доцент

chubina@mail.ru

125993, Россия, г. Москва,

ул. Садовая-Кудринская, д. 9

E. A. CHUBINA

Assistant Professor of the Department of Forensic Examination
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Ph.D. in Pedagogy, Master of Law, Assistant Professor

chubina@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

LINGUISTIC AND LEGAL COMPETENCE OF STUDENTS ENROLLED IN THE SPECIALTY 40.05.03 «FORENSIC EXPERTISE»

Abstract. The article discusses issues related to the implementation of an integrated approach to the training of future experts. The knowledge increment pyramid is presented. The principles of selection of educational material are described. The author spoke about the basic didactic principles underlying the training. As an illustration, a fragment of educational work with phraseological units is presented. In the article differences between the subject areas of forensic linguistics and judicial speech studies are revealed. It is shown that the subject area of forensic linguistics in Russia is determined by the types of lawyers' professional activity, and the object is juridical discourse. The object of judicial speech studies can be any discourse, and the subject area is determined by a complex of special knowledge that allows identifying the

© Е. А. Чубина, 2019

linguistic features that have evidentiary value for legal proceedings, based on reliable scientific facts and obtained with the use of verified expert methods.

Keywords: *linguistic competence, legal competence, forensic expert, phraseological unit.*

Мысль написать статью и проанализировать в ней ряд вопросов, касающихся подготовки студентов-речеведов, возникла как реакция на появившиеся рассуждения о том, что «вопреки здравому смыслу новые подходы в системе подготовки соответствующих специалистов полностью игнорируют собственно лингвистический характер знаний лингвистов-экспертов, сводя его к юридической образованщине»¹.

Оставив на совести писавшего вопросы научной этики, поясним реализуемую в Институте судебных экспертиз методическую систему формирования профессиональной компетенции, в первом приближении — по причине ограничения объема статьи.

Схематично эта система может быть представлена следующим образом: с опорой на знания, умения и навыки в области судебной экспертологии, в области лингвистики (особенно прикладных ее направлений), в области юриспруденции происходит формирование компетенций, имеющих интегрированную природу,

в том числе — формирование лингво-правовой компетенции, понимаемой нами как способность исследователя толковать речевой продукт в категориях не только языкового, но и правового кода. Полагаем верным именно дефисное написание термина «лингво-правовая компетенция», поскольку подчеркиваем интеграцию двух равноправных наук — лингвистики и юриспруденции, следовательно, говорим о сочинительной, а не подчинительной связи.

Наличие у эксперта лингво-правовой компетенции позволяет ему с опорой на свои лингвистические знания устанавливать те и только те факты и обстоятельства, которые будут иметь доказательственное значение для суда.

В процессе формирования лингво-правовой компетенции особое место занимает судебное речеведение (см. рисунок).

Пирамида приращения знаний, изображенная на рисунке, дает наглядное представление об интегрирующей функции судебного речеведения, которое, базируясь на прикладной лингвистике и судебной экспертологии, само ста-

¹ Баранов А. Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник ВолГУ. Серия 2 «Языкознание». 2017. Т. 16. № 2. С. 18—27.

новится базой для класса речеведческих экспертиз, соответственно для рода судебной лингвистической экспертизы (СЛЭ), входящей в этот класс.

Результаты проведенного нами исследования² позволяют сделать вывод о том, что предметные области юридической лингвистики (дисциплины, которая входит в учебные планы по направлению подготовки 45.03.01 Филология) и судебного речеведения (дисциплины, которая входит в учебный план специальности 40.05.03 Судебная экспертиза) существенно отличаются друг от друга, поскольку предметная область судебного речеведения не ограничивается применением различного рода лингвистических знаний, а требует привлечения специальных методологических знаний.

В юридической лингвистике (при всем разнообразии ее предметной области) используются главным образом лингвистические методы исследования речевого материала, в то время как в судебном речеведении (при всем многообразии объектов исследования) лингвистические методы применяются в неразрывном единстве с методами судебной экспертологии, вследствие чего результаты лингвистического анализа приобретают доказательственное значение.

Как отмечает Е. И. Галяшина, судебное речеведение «интегрирует систему разнородных междисциплинарных знаний, включая методологию общей теории судебной экспертизы, теорию криминалистической идентификации и диагностики, навыки использования специальных экспертных методик и умение работать со специальным экспертным инструментарием, специально разработанным или приспособленным, запрограммированным для приложения в целях решения конкретных экспертных задач»³.

Определенности предметной области судебного речеведения противостоит слишком упрощенное и не вполне релевантное понимание предметной области юридической лингвистики, которое встречается в учебной и методической литературе по программам подготовки «в области юридической лингвистики»⁴ (эти программы предлагаются бакалаврам филологии в качестве магистерских). Для примера укажем учебное пособие З. К. Тарланова под названием «Юридическая лингвистика»⁵, в котором глава «Судебная лингвистика как прикладная отрасль языкознания» является единственной (четвертой из пяти), имеющей непосредственное отношение к предметной области юридической лингвистики, а остальные главы представляют собой изложение содержания классической лингвистической дисциплины «Стилистика русского языка и культура речи». Эта глава по объему занимает 24 страницы (при общем объеме учебного пособия 180 страниц) и включает параграфы о правописании имен собственных, о речевом портрете

² *Надеина Т. М., Чубина Е. А.* Юридическая лингвистика и судебное речеведение: соотношение объектов и предметных областей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 4. С. 263—269.

³ *Галяшина Е. И.* Феномен судебного речеведения // Лингвистическая полифония : сборник статей в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой. М. : Языки славянских культур, 2007. С. 689.

⁴ Сайт филологического факультета Томского государственного университета. URL: <http://www.philology.tsu.ru/sites/default/files/...files>.

⁵ *Тарланов З. К.* Юридическая лингвистика : учебное пособие. М. : Юрайт, 2018. 180 с.

личности, языке как детекторе лжи, установлении авторства текста и культурно-языковых табу, которые очень отдаленно, в общих чертах знакомят обучаемых с предметной областью юридической лингвистики.

Недостаточное понимание предметных областей привело к появлению многочисленных наименований сферы взаимодействия языка и права, которые позиционируются исследователями как самостоятельные научные направления, но по сути таковыми не являются. Мы не будем сейчас останавливаться на их анализе, он представлен в работе «Юридическая лингвистика и судебное речеведение: соотношение объектов и предметных областей»⁶. Гораздо полезнее, думается, рассказать о том, как реализуемый подход к обучению студентов дает возможность методически адаптировать новые исследования в области судебной экспертологии и прикладной лингвистики, а затем вводить их в учебную практику. Принципы отбора материала (исследуются живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи), структура учебных курсов, комплекс упражнений (включающий в себя опознавательные, описательные, классификационные, аналитические, творческие упражнения), методы и средства обучения — все подчинено единой цели: подготовить выпускника к практике экспертной деятельности.

К числу базовых дидактических принципов, положенных в основу обучения, можно отнести принцип связи теории с практикой (как пример реализации — введение внутривидеороликовых вставок типа практического занятия, что соответствует также принципу развивающего обучения), принцип научности (в обучении используется показ только объективных закономерностей, основанных на достоверных сведениях, прошедших научную, образовательную проверку), принцип сознательности обучения (как пример реализации — каждая познавательная задача сопровождается объяснением преподавателя, студент понимает, что, как и для чего делается, сознательный отклик на изучаемое повышает интерес к предмету, прагматическую направленность обучения), принцип прочности усвоения знаний (основной упор в процессе обучения делается на выполнение студентами учебных и контрольных экспертиз, поскольку, согласно данным психологической науки, обучающиеся усваивают на занятиях 10 % из того, что читают, 20 % из того, что слышат, 30 % из того, что видят, 50 % из того, что видят и слышат, 70 % из того, что сами говорят, 90 % из того, что сами делают), принцип доступности (усложненное содержание, сведенное и обобщенное из многих источников — судебной и экспертной практики, научных трудов, доступ к которым для студентов часто ограничен, — предопределяет соблюдение пропорциональности между известным и неизвестным, обучение строится с учетом уровня предшествующей учебной подготовки учащихся).

В качестве иллюстрации к сказанному представим фрагмент учебной работы с фразеологическими единицами (далее — ФЕ). Важность их исследования как в процессе решения идентификационных и диагностических задач в рамках проведения судебной автороведческой экспертизы, так и при решении отдельных задач в области судебной лингвистической экспертизы, не вызывает сомнений.

⁶ *Надеина Т. М., Чубина Е. А.* Юридическая лингвистика и судебное речеведение: соотношение объектов и предметных областей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 4. С. 263—269.

Анализ текстов судебных решений показал, что фразеологические единицы в разное время становились объектами исследования в рамках судебной лингвистической экспертизы диффамационных речевых произведений (*мотать нервы, выходить сухим из воды, сливай воду, грести под себя, рыльце в пушку, мокрая курица* и иные); наименований (ТЗ «Кузькина мать», ТЗ «Ядрена Матрена», ТЗ «Красная цена», ТЗ «С пылу, с жару»); рекламных текстов («без ТОРЭКС как без рук»); текстов экстремистской направленности («Иммигранты — лишний рот, проживет без них народ!»); речевых продуктов, содержащих признаки пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, и пр.

Приведем примеры кейсов, с которыми работают студенты.

Кейс 1. Компания ООО «Лагуна» обратилась с иском к газете, опубликовавшей статью под названием «Мотаем нервы за ваши деньги «Как выбивают деньги из омичей при помощи «агрессивного маркетинга», и просила суд признать содержащуюся там информацию как не соответствующую действительности и порочащую деловую репутацию. Компания ООО «Лагуна» оспаривала следующие высказывания:

«Мотаем нервы за ваши деньги “Как выбивают деньги из омичей при помощи ‘агрессивного маркетинга’»»;

«Но корреспонденту “Домашней газеты” удалось побывать на проанонсированном мероприятии, которое произвело на него впечатление очередного метода “отъема денег у населения”»;

«Но самое главное, фирма “Лагуна” в Омске продолжает существовать и прикрывать сомнительные методы своей работы модным термином “агрессивный маркетинг”».

Студентам предлагается проанализировать используемые в спорном тексте фразеологизмы, определить, к каким видам фразеологических единиц они относятся, пользуясь словарями, определить актуальное значение ФЕ, обратив внимание на приведенные пометы.

Поскольку определением суда по делу была назначена судебная лингвистическая экспертиза, важно проанализировать правильность поставленных перед экспертом вопросов. Суд поставил следующие вопросы:

1. Содержит ли информация, содержащаяся в высказывании «Мотаем нервы за ваши деньги “Как выбивают деньги из омичей при помощи ‘агрессивного маркетинга’»», объективную оценку либо субъективное мнение автора статьи о совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота ООО «Лагуна»?
2. Содержит ли информация, содержащаяся в высказывании «Но корреспонденту «Домашней газеты» удалось побывать на проанонсированном мероприятии, которое произвело на него впечатление очередного метода “отъема денег у населения”», объективную оценку либо субъективное мнение автора статьи о совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота ООО «Лагуна»?

3. Какова форма выражения вышеуказанной информации: утверждение, мнение, предположение, вопрос, оценочное суждение?
4. Несет ли информация в себе характер, порочащий деловую репутацию ООО «Лагуна», подрывающий престиж организации в глазах окружающих?
5. Является ли вышеуказанная информация нейтральной, положительной (позитивной) или отрицательной (негативной)?

В процессе работы предлагается проанализировать фрагменты экспертного заключения с целью нахождения гносеологических ошибок, связанных с неверным толкованием ФЕ (например, во фрагменте: «В отношении заголовка — автор использовал фразеологическое словосочетание «мотать нервы», данный фразеологизм явно имеет негативную оценку по отношению к субъекту, производящему деятельность, в данном случае ООО «Лагуна»)» или неверным определением формы выражения спорной информации (например, в фрагменте: «Цитата «Фирма 'Лагуна' в Омске продолжает существовать и прикрывать сомнительные методы своей работы модным термином 'агрессивный маркетинг'» содержит субъективное мнение автора статьи о компании, использующей некорректные формы работы с аудиторией, скрывающей истинные методы коммуникационного сопровождения предприятия малого бизнеса»).

В процессе учебной работы над подобными кейсами особое внимание уделяется анализу спорных высказываний на предмет наличия/отсутствия в них оценочных суждений и мнений (в соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного Совета РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» обстоятельствами, имеющими в силу ст. 152 ГК РФ значение для дела, являются: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности, поэтому оценочные суждения, мнения не являются предметом судебной защиты нематериального блага, будучи выражением субъективных взглядов, они не могут быть проверены на предмет соответствия действительности), а также выявления случаев, когда может возникнуть опасность интерпретации внутренней формы (далее — ВФ) фразеологизма как его актуального значения.

Современная наука понимает внутреннюю форму как ассоциативно-образный комплекс. Во внутренней форме слова запечатлен образ этого слова, ВФ сопоставима с таким явлением, как прямое (буквальное) значение в метафоре, например: актуальное значение (значение, зафиксированное в словаре) ФЕ «*выходить из себя*» — «лишаться самообладания или душевного равновесия, раздражаться», внутренняя форма — образ, лежащий в основе этого фразеологизма, он объясняется верованиями в существование души: душа может выходить из тела человека — и тогда он теряет внутреннюю гармонию, душевное равновесие — и возвращаться обратно.

В основе внутренней формы фразеологизма лежит переосмысление, индизонимная ситуация, вызывающая определенные вербальные ассоциации, благодаря которым возникает определенный образ. Отсюда такое свойство ВФ, как относительность: возможность различного понимания образа, лежащего в основе идиомы, говорящими индивидами в зависимости от жизненного опыта, возрастных особенностей, социального положения и т.п.

При исследовании ВФ толкуется как актуальное значение. Так, анализируя спорный текст *«По слухам, одной из причин такой бесконтрольности и безнаказанности является то, что у руководства МУПа тоже “рыльце в пушку”»*, специалист пришел к выводу, что «фразеологизм *«рыльце в пушку»* использован для создания негативной оценки истца и сравнения его с известным животным (свиньей), использование кавычек не изменяет смысл фразеологизма». Налицо ошибка, связанная с переносом образа на денотат (да и образ интерпретирован неверно: *рыльце в пушку* — ставшее крылатым выражение из басни И. А. Крылова «Лисица и Сурок», где речь идет о лисе, но не о свинье).

С целью предупреждения подобных ошибок в систему учебной работы включаются задания, подобные следующим: используя возможности Национального корпуса русского языка, подобрать варианты контекстного употребления фразеологических единиц с компонентом-зоонимом, проанализировать точность их использования, а также то, как меняется эмотивность этих ФЕ в зависимости от употребления в 1-м, 2-м, 3-м лице.

Важными являются задания, связанные с анализом правильности толкований фразеологических единиц. Для исследования предлагаются, например, такие фрагменты: *«Употребление выражения «с использованием мертвых душ» также предполагает нечестный поступок, так как это — известный фразеологизм, когда используют фамилии людей, которых фактически не существует, для извлечения какой-либо материальной выгоды. Это несуществующие, придуманные люди для каких-либо махинаций, личных выгод»*; *«Автором текста использовался такой фразеологизм, как «рука руку моет», что означает — участвующие в данном деле покрывают друг друга. Имеется в виду укрывательство друг друга в каком-либо предосудительном деле. Обычно говорится с одобрением»*; *«В анализируемом высказывании «В общем, ФИО намеренно довел все эти хозяйства, как говорится, до ручки» использован фразеологизм «довести до ручки», означающий недобросовестность ФИО в служебной деятельности, по вине которого данные хозяйства опустились до предельно низкого уровня»*.

Если говорить о кейсах, составленных по результатам мониторинга судебных решений по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.61 КоАП РФ, здесь внимание уделяется следующему: в современной практике синтаксическая модель *Ты — V*, где *V* — это фразеологическая единица, включающая глагол с негативно-оценочным значением, не рассматривается как оскорбительная по смыслу на том основании, что в ней дается оценочная характеристика не лица, а действия (или действий). В подобных случаях надо быть очень осторожным: синтаксические позиции, а не морфологические (грамматически господствующее слово) являются решающими в установлении категориального значения фразеологизма. Например, в выражении *«он прошел огонь, воду и медные трубы»* речь идет не о том, что сделал субъект, а о том, каков он. Следовательно, по своему категориальному значению данный фразеологизм может стоять в одном ряду с такими ФЕ, как *«тертый калач»*, *«стреляный воробей»*.

Студентам предлагается указать фразеологические значения спорных ФЕ, распределить их по тематическим полям: «Характеристика внешних качеств человека», «Характеристика внутренних свойств человека», «Интеллектуальные

способности и интеллектуальная деятельность», «Речевая деятельность», «Чувство-состояние», «Поведение».

Ряд кейсов предусматривает нахождение экспертных ошибок, определение их вида. Чаще всего это процессуальные ошибки, связанные с выходом эксперта за пределы компетенции, например: «...фраза «разлеглась как корова» является зоосемантической метафорой, которая сравнивает человека с животным с негативной точки зрения, является бранной и презрительной, в связи с чем носит оскорбительный характер. При этом само по себе высказывание оскорбительного характера в адрес человека является неприличным, поскольку противоречит общепринятым нормам поведения, морали и нравственности» (из экспертного заключения). Нередки гносеологические ошибки, связанные, например, со смешением понятий «обидный» и «оскорбительный»⁷, например: «Не является существенным для рассмотрения данного текста разграничение понятий “оскорбление” и “обида”»; «Нарушение норм культуры речи, заключающееся в использовании грубых, бранных, вульгарных, нецензурных слов, уже само по себе является основанием для признания высказывания обидным и оскорбительным»; «При проведении экспертизы нами установлены причины речевого конфликта, в результате которого были использованы обидные и оскорбительные слова и выражения, были спрогнозированы последствия этого конфликта и оценена степень речевого воздействия на адресата».

Мы представили краткое описание отдельных фрагментов учебной работы с целью показать возможности интегрированного подхода к обучению студентов-речеведов. Лингво-правовая компетенция обеспечивает непротиворечивое понимание природы доказательства, и напротив — непонимание предмета часто граничит с печально известным «все позволено».

К сожалению, в современном экспертном мире нередки случаи безапелляционных суждений, например: «Можно уточнить, что и вообще вопросы понимания текста не в пределах компетенции лингвиста, это компетенция психолога»⁸. Хотелось бы посоветовать автору этого «открытия» для начала выйти на сайт Федерального института педагогических измерений (ФИПИ) и посмотреть кодификатор элементов содержания и требований к уровню подготовки выпускников образовательных организаций для проведения единого государственного экзамена по русскому языку, где особое значение уделяется именно пониманию текста. Неслучайно в контрольные измерительные материалы ОГЭ и ЕГЭ по русскому языку введено изложение, цель которого — показать, как учащийся понял текст, какие микротемы вычленил и как затем воспроизвел содержание текста.

⁷ О разнице в семантике этих слов пишет А. А. Зализняк: «Оскорбление возникает тогда, когда задета наша честь, обида — когда задето чувство. В оскорблении участвуют социальные факторы, в обиде — индивидуальные; множество оскорбительных высказываний является частью культурного текста данного социума, между тем множество обидных высказываний нельзя исчислить» (Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. О семантике щепетильности // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 388).

⁸ Будякова Т. П. Судебный лингвист против судебного психолога (о некоторых проблемах доказывания в судопроизводстве) // Адвокатская практика. 2018. № 2.

Рассуждая об ошибках в «судебной лингвистике»⁹, автор указанной выше статьи с претензией на научность говорит об ошибках специалиста, выступавшего в процессе по делу А. Улюкаева. Приведем цитату: «Как видно из приведенных выше фрагментов, специалист-лингвист практически буквально толкует смысл разговора И. Сечина с А. Улюкаевым, не обращая внимания на его контекст, его предысторию, статусные отношения общающихся, особенности их личностей. Это странно даже для лингвиста, поскольку в лингвистике есть учения о контексте, реминисценции, аллюзии и т.п. Да, в тексте нет прямой информации о том, кто дал задание, что за задание, но для того, чтобы это обнаружить, не надо иметь филологического образования. <...> Учитывая статусные отношения И. Сечина и А. Улюкаева, министра и руководителя компании с государственным участием, который зависим от министра в плане одобрения сделок, совершаемых этой компанией, то как минимум странной выглядит форма выполнения «поручения». Задание министра не может выражаться в передаче сумки с чем-нибудь, в том числе алкоголем, продуктами питания и др. Министр является должностным лицом и не вправе принимать подарки от кого-то, кто связан с ним отношениями подчинения или иной зависимостью»¹⁰.

Подобные рассуждения напоминают расхожий школьный штамп «Автор устами героя говорит нам о...». Замечательный литературовед А. Б. Есин, предостерегая своих студентов от подобного поверхностного подхода к анализу текста, вспоминал такую историю: «Когда, например, А. П. Чехову настойчиво приписывали те мысли, которые высказывает старый профессор, герой его повести «Скучная история», он немедленно отреагировал, разъяснив свою позицию следующим образом: «Если Вам предлагают кофе, то не старайтесь искать в нем пива. Если я преподношу Вам профессорские мысли, то верьте мне и не ищите в них чеховских мыслей» (письмо А. С. Суворину от 17 октября 1889 г.)»¹¹. В нашем случае автор статьи не только, образно выражаясь, находит в кофе пиво, но и доподлинно знает, в чем может выражаться задание министра, а в чем — нет.

Что же касается контекста (который понимается и как внетекстовая действительность¹², с выделением таких видов, как исторический контекст, биографический контекст и пр.), реминисценций (смутных воспоминаний, отголосков, отражений влияния чьего-нибудь творчества в художественном произведении), аллюзий (фигур речи, содержащих намек), о которых говорит автор, то судебная экспертиза с особой осторожностью подходит к этим понятиям.

Резюмируя, еще раз отметим: интегрированный подход к обучению студентов-речеведов, учебная работа, построенная на использовании лингвистических методов в неразрывном единстве с методами судебной экспертологии, являются важными факторами повышения качества лингвистических экспертиз.

⁹ Будякова Т. П. Указ. соч.

¹⁰ Будякова Т. П. Указ. соч.

¹¹ Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения : учебное пособие. 3-е изд. М. : Флинта, Наука, 2000. С. 40.

¹² Есин А. Б. Указ. соч. С. 153.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баранов А. Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник ВолГУ. — Серия 2 «Языкознание». — 2017. — Т. 16. — № 2. — С. 18—27.
2. Будякова Т. П. Судебный лингвист против судебного психолога (о некоторых проблемах доказывания в судопроизводстве) // Адвокатская практика. — 2018. — № 2.
3. Галяшина Е. И. Феномен судебного речеведения // Лингвистическая полифония. Сборник статей в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой. — М. : Языки славянских культур, 2007.
4. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения : учебное пособие. — 3-е изд. — М. : Флинта ; Наука, 2000.
5. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. О семантике щепетильности // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М. : Языки славянских культур, 2005. — С. 378—397.
6. Надеина Т. М., Чубина Е. А. Юридическая лингвистика и судебное речеведение: соотношение объектов и предметных областей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12. — № 4. — С. 263—269.
7. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма ; Инфра-М, 2018. — 576 с.
8. Тарланов З. К. Юридическая лингвистика : учебное пособие. — М. : Юрайт, 2018. — 180 с.